

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1873 г.

ТОМЪ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, № 2—49.

1873.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ П. А. КАРАТЫГИНА¹⁾.

Прошу извинения у снисходительных читателей, если я въ моихъ «Запискахъ», при всемъ моемъ желаніи, не могъ иногда держаться хронологического порядка. Во-первыхъ, избитая память моя подъ часъ и мнѣ изменяетъ, и я, припоминая давно-пронеднее, невольно то забываю-впередъ, то снова возвращаюсь назадъ; и во-вторыхъ, последовательно, безъ пропусковъ, печатать мои «Записки» въ настоящее время я нахожу не совсѣмъ удобнымъ.

П. Е.

I.

Вспоминая теперь порядки, бывшіе въ театральномъ училищѣ въ мое время, т.-е. полѣ-вѣка тому назадъ, нельзя не подивиться безпечности нашего начальства того доброго стараго времени. Были у насъ тогда учителя танцований, пѣнія, музыки, фехтованія, а учителя драматического искусства, кажется, и по штату тогда не полагалось! Видно находили это роскошью. Во время великаго поста однако устраивался у насъ въ одной изъ залъ временнай театръ, на которомъ игрались небольшія пьесы воспитанниками и воспитанницами; и на этотъ разъ инспекторъ школы обыкновенно приглашалъ кого-нибудь изъ старшихъ актеровъ поучить ихъ немножко и руководить этими спектаклями.

Тогда былъ главнымъ директоромъ императорскихъ театровъ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, онъ занялъ мѣсто Александра Львовича Нарышкина, известнаго остряка и настоящаго русскаго аристократа временъ Екатерины II и Александра I.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. V, стр. 423—430: «Воспоминанія объ А. С. Грибоѣдовѣ», т. VI, стр. 297—308: «Русскій театръ при Александрѣ I».

Ред.

Князь Тюфякинъ былъ далеко не похожъ на своего доброго и благородного предшественника не только по внѣшнему, но и по внутреннему складу; обращенія его съ артистами (не говорю съ артистками, особенно съ молоденькими и хорошененькими) доходили иногда до безобразного самоуправства и цинизма. Это случалось чаще въ послѣбѣдную пору. Чтобы дать понятіе о монгольскихъ замашкахъ этого князя, я приведу только два эпизода изъ нашей закулисной хроники того времени: однажды маленький воспитанникъ театральной школы, лѣтъ 8-ми или 9-ти, нечаянно пробѣжалъ гдѣ-то позади сцены во время какого-то балета; князь высочилъ изъ своей директорской ложи, велѣвъ позвать къ себѣ бѣднаго мальчугана и подбить ему глазъ своей подзорной трубкой, которая у него тогда была въ рукахъ. На счастье мальчугана, тогда еще не были въ употреблениіи бинокли и потому у него осталася синякъ только подъ однимъ глазомъ. Другой случай былъ не по балетной, а по драматической части. Былъ у насъ тогда одинъ молодой актеръ Б—въ (онъ поступилъ на сцену, оставилъ статскую службу, и имѣлъ тогда чинъ титуллярнаго советника). Ему назначили какую-то ничтожную роль, не подходящую къ его амплуа; онъ отъ нее отказался, и его сиятельство, за таковую дерзость, велѣвъ посадить его на съѣзжій дворъ!

«Сразу преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Эта грустная исторія, разумѣется, глубоко оскорбила и возмущила всю труппу и старшіе актеры (въ томъ числѣ и отецъ мой) рѣшились идти къ грозному директору просить его отмѣнить это приказаніе, которое унижало званіе придворнаго артиста; но монгольский князь принялъ этотъ справедливый протестъ за явный бунтъ, воспыпалъ гнѣвомъ и погрозилъ имъ, что должны объ ихъ дерзости государю и что ихъ всѣхъ въ Сибирь законопатаго. Бѣдные старики-артисты убрались по добру-да по здоровью отъ сിятельной грозы, повѣся горемычныя головы, а Б—въ, высидѣвъ нѣсколько дней въ арестантской, на съѣзжемъ дворѣ, вышелъ въ отставку (поступя опять въ гражданскую службу, онъ впослѣдствіи дослужился до тайного советника¹⁾).

¹⁾ Въ приложениіи мы помѣщаемъ документъ, показывающій, какъ относились, въ описываемое время, къ «русскимъ артистамъ», лица, несравненно боязни кн. Тюфякина развитыи и даже весьма гуманныи.

Ред.

Но если этот сиятельный десяток былъ плохой цѣнитель та-
зантовъ, за то по хозяйственной части имѣлъ репутацію разсчет-
ливаго администратора и, какъ говорить преданіе, въ продолже-
ніе его директорства не только никогда не было дефицита, но
оставалось ежегодно нѣсколько тысячъ въ экономіи.

Здѣсь я не лишнимъ считаю замѣтить, что, дѣйствительно,
балетъ и опера монтировались довольно роскошно по тому вре-
мени; но наша драматическая сцена не могла похвальтися осо-
бенною заботливостію его сиятельства и никогда при немъ не
щеголяла ни новыми декорациями, ни костюмами. Театральное
училище, сколько я помню, ид. Тюфиковъ посыпалъ только разъ
въ гдѣ, во время тамадальныхъ экзаменовъ; словесные же—его
нисколько не интересовали, также точно, какъ и нѣвольные наши
спектакли; за то мы, бывало, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали
первой недѣли великаго поста, когда являлись къ намъ плотники
для постановки нашего временнаго театра, но, увы! у меня
хоть тогда была окота смертная къ драматическимъ занятіямъ,
но участъ-то была горькая! до сихъ поръ мнѣ было суждено изоб-
ражать только бессловесныя личности, и я фигурировалъ на сцѣнѣ
не раздѣмая губъ (разѣ только иногда отъ щекоты). Мрачная
перспектива фигурантской службы была, конечно, очень непри-
влекательна. Фигурантъ, какъ всѣмъ известно, самое жалкое су-
щество въ театральномъ мірѣ.... ни къ кому изъ земныхъ тру-
женниковъ такъ не подходитъ русская поговорка: «неволя пля-
шеть, неволя скачетъ», какъ къ нему. Вѣчно толкующійся, грустно
смѣющійся, онъ, бѣднякъ, даже автоматъ, осужденъ допрыгива-
вать свой вѣкъ при всевозможныхъ лишеніяхъ до скучнаго сво-
его ценсіона! Помятное дѣло, что постояннымъ и единственнымъ
моимъ желаніемъ было выпрыгнуть изъ этого панургова стада,
но не такъ-то еще скоро осуществились мои мечты. Съ какой,
бывало, завистью я глядѣлъ тогда на старшихъ воспитанниковъ,
подвизавшихся на нашей крошечной сценѣ, и какъ радѣхонекъ
бывалъ, если мнѣ дадутъ какую-нибудь ничтожную ролишку. За-
мѣчательно, что изъ всѣхъ взрослыхъ воспитанниковъ того времени
(1816 и 1817 гг.), участвовавшихъ въ этихъ спектакляхъ, только
двое или трое поступили изъ училища въ драматическую труппу;
прочие же предпочли балетную часть. Сознавали ли они свою
неспособность быть актерами или, можетъ быть, всемогущій, гроз-

ны Дида загораживалъ имъ дорогу на это поприще; только всѣ они впослѣдствіи были кто солистомъ, кто корифеемъ, а кто горемычнымъ фигурантомъ.

Въ этотъ же періодъ времени отецъ мой, желая пріобрѣти старшихъ моихъ братьевъ къ драматическому искусству, устраивалъ иногда домашніе спектакли въ свою семью кругу. Братья мои Александръ, Василій и Владіміръ были тогда уже чиновниками и служили въ разныхъ департаментахъ. Отецъ и мать мои имѣли тогда казенную квартиру въ домѣ Голландея, на Офицерской улицѣ. Квартира была очень тѣсная, она состояла изъ четырехъ маленькихъ комнатъ, а сама она была довольно большая. Всею техническою частью при устройствѣ этихъ спектаклей завѣдывалъ старинный другъ нашего семейства и страстный театралъ съ незапамятныхъ временъ, некто князь Иванъ Степановичъ Сумбатовъ (родомъ армянинъ). Это былъ самый благороднѣйший и добрѣйший человѣкъ, какого мнѣ случалось встрѣтить въ моей жизни. Бывало недѣли за днѣ до представления поднимался въ нашемъ гнѣзде семейство, какъ говорится, дномъ вороницомъ. Пачкатня, стукотня, клейка, шитье костюмъ и проч. Тутъ отецъ, мать, сестра и братья мои, вороно сказали, всѣ принимались за работу, но главный распорядитель бывалъ постоянно нашъ добрый князь; онъ былъ тутъ и плотникъ и лампадщикъ, машинистъ и демораторъ, даже и типографщикъ: онъ умѣрился печатать на какомъ-то ручномъ станкѣ афиши для этихъ спектаклей. Труппа налала состояла, кроме трехъ моихъ братьевъ, сестры и меня, еще изъ нѣкоторыхъ близкихъ нашихъ знакомыхъ; въ томъ числѣ было семейство балетмейстера Вальберха.

Зрителями этихъ спектаклей обыкновенно бывали иные актеры и актрисы того времени и знакомые отцу моему литераторы, въ числѣ послѣднихъ бывалъ и князь Шаховской. Тутъ-то и зародилась у старшаго моего брата Василія (впослѣдствіи известнаго трагика) страсть къ сценическому искусству.

Замѣчательно, что прежде онъ выбиралъ себѣ по болѣе части комическія роли, а серьезныя—охотно уступалъ другимъ; такъ напримѣръ, игралъ онъ Жеронта въ комедіи «Шалости влюбленныхъ», Трумфа—въ известной пародіи Ив. Анд. Крылова, даже Филатку—въ оперетѣ «Люль» (Княжнина), потому

уже принялъ за драму, которая, конечно, и была настоящимъ его назначениемъ.

Въ то время актеръ Величинъ, занимавшій на сцѣнѣ первыя комическія роли, хаживалъ также на домашніе наши спектакли и, видя брата моего Василя въ своихъ роляхъ, стала на него коситься и подозревать въ немъ будущаго своего соперника; онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что братъ мой готовится занять его амплуа. Когда же впослѣдствіи увидѣлъ его въ какой-то небольшой драмѣ, то подошелъ къ нему и дружески сказалъ: «Нѣтъ, Васенька, комическія роли не по твоей части, вотъ драма—другое дѣло, это болѣе по твоимъ способностямъ». Простакъ Величинъ думалъ ехитрить, а оказалъ правду.

Князь Шаховской, который тогда считался строгій и опытнымъ знатокомъ драматического искусства, вскорѣ замѣтилъ хорошие задатки для сцены въ моихъ старшихъ братьяхъ (особенно въ Васильѣ), предложилъ нашему отцу принять ихъ подъ свое покровительство и образовать изъ нихъ артистовъ. Отецъ и мать охотно согласились на это предложеніе и въ тѣтъ же годъ оба брата мои начали ходить къ князю для уроковъ. Черезъ полгода, кажется, они уже дебютировали на школьнімъ театрѣ въ присутствіи директора кн. Тюфякина. Весь этотъ спектакль былъ составленъ собственно изъ учениковъ Шаховскаго; они разыгрывали разныя сцены и отрывки изъ нѣкоторыхъ драмъ и комедій.

Братъ Василій игралъ третій актъ изъ «Эдипа въ Аеніахъ» (роль Полиника); братъ Александръ—Эрастъ въ комедіи «Любовная ссора». Другіе соученики ихъ были: Борецкій, Барановъ, Вальберхъ, Рыкаловъ, Колобухинъ и проч. Вскорѣ послѣ этого пробнаго спектакля нѣкоторые изъ этихъ учениковъ дебютировали уже на Большомъ театрѣ. Братъ мой Александръ не имѣлъ ни большой страсти къ театру, ни особыхъ способностей и потому уклонился отъ предложения поступить на сцену; онъ остался чиновникомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ секретаремъ при министрѣ народнаго просвѣщенія Уваровѣ и умеръ бѣднымъ на 46-мъ году своей труженической жизни. Брату Василію также предложила дирекція дебютировать, но отецъ и мать наши не вполнѣ были доволены его успѣхами, хотя сами и сознавали вороній въ немъ способности для сцены; они же согласились на его дебютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ еще очень

молодъ: ему тогда было съ небольшимъ 16-ть лѣтъ, и дебютъ былъ отложенъ до тѣхъ порь, пока разовыются въ немъ физическія силы, а вмѣстѣ съ ними и дарованіе его. Между тѣмъ онъ продолжалъ учиться у кн. Шаховскаго, у котораго въ то время собиралось часто большое общество истыхъ театраловъ и извѣстныхъ литераторовъ. Князь Шаховской любилъ иногда похвастать своими учениками и заставлять ихъ, въ присутствіи всего общества, разыгрывать некоторые сцены изъ приготовленныхъ имъ пьесъ, или декламировать отдѣльные монологи. Въ числѣ его пріятелей были тогда Катенинъ и Грибоѣдовъ, которые однако держали иногда съ нимъ споры и во многомъ были несогласны относительно театрального искусства. Иногда даже втихомолку и подсмѣшивались надъ нимъ, какъ надъ отставнымъ профессоромъ, у котораго, по ихъ мнѣнію, рутина и традиція играли главную роль. Тутъ-то и познакомился Катенинъ съ моимъ братомъ.

Павель Александровичъ Катенинъ былъ тогда штабс-капитаномъ Преображенскаго полка и пользовался извѣстностью, какъ удачный переводчикъ «Расина» и «Корнеля»; онъ былъ страстный любитель театра и самъ прекрасно декламировалъ. Грибоѣдовъ же былъ тогда поручикъ дейбъ-гвардіи гусарскаго полка; первый опытъ его была передѣланная съ французскаго комедія въ стихахъ: «Молодые супруги». Опытъ весьма неудачный; читая теперь эти дубовые стихи, съ трудомъ вѣришь, что лѣтъ черезъ пять или шесть онъ написалъ свою бессмертную комедію. Катенинъ тогда же предложилъ брату учиться у него, въ чемъ также уговаривалъ его и Грибоѣдовъ. Братъ сказалъ объ этомъ предложеніи отцу и матери; они, какъ я уже выше замѣтилъ, не слишкомъ были довольны методомъ кн. Шаховскаго, стало быть охотно согласились, тѣмъ болѣе, что въ то время былъ у Шаховскаго любимый его ученикъ Брянскій, который, по смерти Яковлева, занялъ первое амплица въ трагедіи, и вѣроятно, брату моему доставались бы на долю второстепенные роли. Братъ началъ усердно заниматься съ Катенинымъ. Князь Шаховской былъ разгневанъ этой дерзостью и никогда не могъ простить ему такого оскорблѣнія. Дерзость точно была неслыханная въ нашемъ звукомѣномъ мірѣ, гдѣ Шаховской считался заслуженнымъ профессоромъ декламаціи и чуть ли не Магометомъ заво-

новь драматургіи. Всѣ его сенды были озадачены этой возмутительной выходкою моего брата.

Катенинъ (критику которого всегда такъ уважали Пушкинъ и Грибоѣдовъ) былъ человѣкъ необыкновенного ума и образованія: французскій, нѣмецкій, итальянскій и латинскій языки онъ зналъ въ совершенствѣ, понималъ хорошо англійскій языкъ и нѣсколько греческій. Память его была изумительна. Можно положительно сказать, что не было ни одного всемирного историческаго события, котораго бы онъ не могъ изложить со всѣми подробностями; въ хронологіи отъ никогда не затруднялся; однимъ словомъ, это была живая энциклопедія. Будучи въ Парижѣ въ 1814 году (вмѣстѣ съ полкомъ), онъ имѣлъ случай видѣть всѣ сценическія знаменитости того времени: Тальму, м-ллс Дюшена, м-ллс Марсѣ, Шотье, Брюне, Молле и проч. Съ этимъ-то высокобразованнымъ человѣкомъ братъ мой началъ приготовляться къ театру, и въ продолженіе почти двухъ лѣтъ онъ ежедневно бывалъ у него. Послѣ обычныхъ уроковъ, Катенинъ читалъ ему въ подстрочномъ переводѣ латинскихъ и греческихъ классиковъ и знакомилъ его съ драматической литературой французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ авторовъ. Можно утверждительно сказать, что окончательнымъ своимъ образованіемъ братъ мой быть много обязанъ Катенину. Занятія ихъ были исполнены классической строгости и постояннаго, честнаго и неутомимаго труда. Нѣть, въ нынѣшнее время такъ не приготовляются къ театру. Теперь дебютантъ едва сумѣетъ выучить кое-какъ роль, идетъ съ дерзостью на сцену, по пословицѣ: «смѣость города береть!». Большая часть молодыхъ людей современного поколѣнія увѣрена, что можно не участь быть и писателемъ, и актеромъ¹⁾). Не такъ думать братъ мой, приготовляясь къ театру въ серьезнѣй, классической школѣ, и потомъ онъ до гроба сохранилъ строгую любовь и уваженіе къ своему искусству. Оставимъ теперь на время моего брата въ

¹⁾ Не такъ еще давно одинъ театральный критикъ-реалистъ (теперь уже покойный), печатно заявлялъ, что онъ не понимаетъ, что значитъ такъ-называемая хорошія манера и прыличіе на сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергалъ всѣную сценическую подготовку и вѣшніость какъ-то: эмману, жесты и проч., а напротивъ, требовалъ, чтобы актеры играли цутромъ Да простить ему Аполлонъ его прогрѣшенія и да избавить онъ насъ отъ такихъ актеровъ-вандрекотовъ.

его классической школѣ и обратимся къ нашей, вовсе не классической, въ которой мы учились «чemu-нибудь и какъ-нибудь».

II.

Въ это время переведенъ быль съ московскаго театра на петербургскій членомъ репертуарной части Федоръ Федоровичъ Кокоткинъ, который имѣлъ въ Москвѣ репутацію заслуженнаго драматурга, знатока сценическаго искусства и славилсѧ, какъ отличный актеръ, на всѣхъ любительскихъ театрахъ. Хотя тогда еще не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни дилижансовъ, но слава опередила этого драматурга. Князь Тюфякинъ, не понимавшій ровно ничего ни въ литературѣ, ни въ драматическомъ искусствѣ, пригласилъ его принять на себя выѣздъ съ должностью члена репертуарной части, обязанность учителя декламаціи въ театральномъ училищѣ. Кажется въ то время кн. Шаховской поразорилъ въ чемъ-то съ Тюфякинымъ, и онъ, въ досаду ему, выписалъ въ Петербургъ Кокоткина.

Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали эту московскую знаменитость. Нѣсколько воспитанниковъ и воспитанницъ были отобраны заблаговременно для его класса. Я имѣлъ счастіе попасть въ то же число. Наступилъ назначенный день и мы чинно собирались въ залѣ. Вотъ, въ 12 часовъ утра, прѣѣзжаетъ онъ очень важно, настоящимъ московскимъ бариномъ, въ четвертѣ, съ форейторомъ, лакей былъ въ басонахъ и въ трехугольной шляпѣ; двери распахнулись и явился къ намъ знаменитый Федоръ Федоровичъ. Я, какъ теперь его помню, на немъ былъ: свѣтло-синій фракъ съ гладкими золотыми пуговицами, бѣлое широкое жабо и жилетка, на бризжахъ его манишки блестала большая бриллантовая будавка: красновато-коричневыя панталоны изъ вязанаго трико были въ обтяжку, на ногахъ высокіе сапоги съ кисточками; на обѣихъ рукахъ бриллантовые старинные перстни. Лицо необыкновенно красное и лоснящееся, толстые надутыя губы, небольшой, вздернутый носъ бытъ осѣданъ золотыми очками; курчавые рыжеватые его волосы были тщательно завиты и зачесаны назадъ, короче сказать, мудрено было вообразить себѣ личность, болѣе подходящую къ роли Фамусова. Вообще моментъ первого появленія этого драматурга имѣлъ на насъ комическій эффектъ. Воспитанницы стали переглядываться и пере-

шептываться между собою, а мы, мальчишки, подталкивали другъ другъ дружку и подтрунивали надъ его важной фигурой. Кокошинъ, горделиво, съ чувствомъ собственного своего достоинства, сѣлъ въ кресла у стола, на которомъ былъ списокъ учениковъ и нѣсколько театральныхъ пьесъ для нашего экзамена; въ томъ числѣ, разумѣется, и «Мивантропъ» его перевода. Онъ вынулъ большую золотую табакерку, осыпанную жемчугомъ, поставилъ ее на столъ и началъ по одиночкѣ выкладывать, прежде дѣвицъ, потомъ мальчиковъ и каждого изъ нихъ заставлять прочесть что-нибудь. Тутъ его гримасы и пожиманіе плечами ясно показывали, что онъ былъ нами недоволенъ; онъ безпрестанно останавливалъ и поправлялъ профановъ. Наконецъ, желая дать вѣсь своему авторитету, онъ тяжеловѣсно поднялся съ креселъ и самъ началъ декламировать монологи изъ разныхъ трагедий и комедій. Эта декламація была неестественна и исполнена натянутой, надутой дикціи. Первая его лекція произвела въ нашемъ кружкѣ разноголосицу; иные были безотчетно озадачены его самодовольной, мишурной важностью, другие видѣли въ немъ московскаго пѣданта на барскихъ ходуляхъ, который хотѣлъ напустить намъ пыли въ глаза. На меня онъ произвелъ тоже непріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи онъ ставилъ у насъ въ училищѣ нѣсколько спектаклей и тутъ-то мы вполнѣ убѣдились, что не все то золото, что блеститъ и что въ Петербургѣ нельзя справлять праздниковъ по московскимъ святкамъ; между тѣмъ у нѣкоторыхъ москвичей и до сихъ поръ, по преданію, Кокошинъ пользуется репутацией знатока, глубоко понимавшаго театръ. Его некрологи наполнены всевозможными похвалами, а московскіе его ученики-артисты и теперь еще съ благоговѣніемъ о немъ вспоминаютъ. Онъ дѣйствительно былъ человѣкъ добрый и страстно любилъ театръ; открытый домъ его былъ какъ полная чаша съ московскимъ стариннымъ хлѣбосольствомъ; домашніе его спектакли и балы посѣщались высшимъ московскимъ обществомъ; а кто же изъ насъ не знаетъ, что щедрымъ угощеніемъ можно легко набрать себѣ и поклонниковъ, и крикливыхъ хвалителей: или какъ говорить Чадкій:

«Да и кому въ Москвѣ не лажимили рты
«Обѣди, ужны и танцы!»

Комонинъ, кажется, не более двухъ или трехъ лѣтъ пробылъ въ Петербургѣ и, возвратясь въ Москву, занялъ должность директора тамошняго театра, вместо Майкова, который переведенъ быть директоромъ въ Петербургъ; князь же Тюфлинъ уѣхалъ за границу и умеръ въ Парижѣ въ 1822 году.

III.

Антонъ Александровичъ Майковъ былъ старинный пріятель кн. Шаховскаго и при немъ Шаховской сдѣлался снова постояннымъ учителемъ декламаціи въ театральномъ училищѣ. Кн. Шаховской былъ такой же фанатикъ своей профессіи, какъ и Дидло; также готовъ быть рвать на себѣ волосы, войдя въ экстазъ, также плакать отъ умиленія, если его ученики (особенно ученицы) вѣрно передавали его энергическія наставленія; онъ былъ также неутомимъ, не смотря на свою необыкновенную тучность. Два или три раза въ недѣлю онъ бывалъ у насъ въ школѣ по вечерамъ и прилежно занимался съ нами; по утрамъ же, онъ обыкновенно до обѣда не выходилъ изъ своего рабочаго кабинета, гдѣ одна конченная имъ пьеса смѣнилась другой безпрерывно.

Хотя нельзя сказать, чтобы и онъ не былъ чуждъ некотораго педантизма, но вообще должно сознаться, что онъ много въ свое время сдѣлалъ пользу для русскаго театра. Изъ-подъ его ферулы вышло не малое число учениковъ и ученицъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи замѣчательными артистами. Съ дурнымъ, шепелеватымъ произношеніемъ, съ нескладнымъ голосомъ, онъ умѣлъ, однако, всегда ясно растолковать мысль автора и передать самую интонацію рѣчи. Съ нетвердой ролью не смѣй, бывало, ученикъ къ нему показываться; онъ тотчасъ выгонитъ его изъ класса. Никто изъ русскихъ авторовъ большие его не написалъ театральныхъ пьесъ, и какъ же онъ, бывало, любилъ, чтобы около его на репетиціяхъ собирался кружокъ любопытныхъ зрителей; нужды неѣть, кто бы они ни были: хористы, фигуранты, даже хоть плотники или лампионщики. Онъ тогда безпрестанно обертывался и наблюдалъ, какое впечатлѣніе производить на нихъ его комедія или драма; онъ, подобно Мольеру, готовъ быть читать свое сочиненіе безграмотной кухаркѣ.

Репутація кн. Шаховскаго, какъ учителя-драматурга, такъ и человека, была довольно дружищевна: иные въ немъ души

не слышали, другое, напротив, бранили его какъ бездушного интригана и недоброжелателя. И тѣ и другое по моему были пристрастны: онъ имѣлъ, какъ и всякой человѣкъ, недостатки и слабости, отрицать же въ немъ достоинства какъ драматурга, такъ и учителя — было бы несправедливо. Автора Ежова съ юныхъ лѣтъ сдѣлалась подругой его жизни и, надо признаться, много вредила ему въ общественномъ мнѣніи. Хотя она тоже была вовсе не злая женщина, но, живучи съ нимъ, имѣла сильное вліяніе на его слабый характеръ: онъ, какъ Сократъ, побаивался своей Ксантипы. Во время директорства Нарышкина, кн. Шаховской довольно долго былъ не только членомъ репертуарной части, но, по своей силѣ, могъ считаться чуть ли не вице-директоромъ, и въ эту-то пору, какъ говорятъ театральное преданіе, бывало много несправедливостей и пристрастій, въ которыхъ зачастую была не безгрѣшна его подруга жизни. Личная же его слабость къ любимымъ своимъ ученикамъ была нерѣдко въ ущербъ другимъ артистамъ, которые не имѣли счастія у него учиться. Часто случалось, что о новомъ своемъ ученикѣ онъ пустить заранѣе молву, что это-де талантъ необыкновенный, который убѣсть на-повалъ и того, и другаго, а на дѣлѣ выходитъ, что самъ дебютантъ повалится при первомъ дебютѣ.

Какъ человѣкъ очень умный и довольно хорошо образованный, онъ дѣйствительно зналъ театральную технику въ совершенствѣ и могъ, по тогдашнему времени, называться профессоромъ по этой части. Иногда случалось, что по болѣзни онъ не могъ быть у насъ въ школѣ; тогда его ученицы (и учениковъ, за компанию), привозили къ нему на домъ для уроковъ (разумѣется, въ сопровожденіи гувернантки). Большая часть его ученицъ были молоденькия и хорошенькия воспитанницы, стало быть имѣли и своихъ поклонниковъ-театраловъ, которые, на сей конецъ, знакомились съ Шаховскимъ, и, какъ будто нечаянно, прѣѣзжали къ нему въ гости во время его классовъ.

Хотя братъ мой и сдѣлался ренегатомъ, выйдя изъ его студіи, но я, какъ воспитанница, принадлежала къ числу его учениковъ; онъ меня очень любилъ и ласкалъ; одно лѣто я даже провелъ у него на дачѣ; тогда онъ жилъ на Емельяновкѣ (по петергофской дорогѣ), не далеко отъ взморья. Помню я, какъ однажды въ темную бурную ночь, въ половинѣ августа, князь долго не

возвращался изъ города; вода, отъ сильного морского вѣтра, выступала изъ береговъ. Екатерина Ивановна (Ежова) была въ страшномъ безпокойствѣ, она взяла фонарь и пошла вмѣстѣ со мною на большую дорогу его встрѣтить. Тучного князя везъ его кучерь шажкомъ; при сильномъ вѣтре лѣсь шумѣлъ, буря свирѣпствовала и мѣшала намъ слышать приближающійся экипажъ князя; вдругъ изъ-за угла лошади его наткнулись прямо на фонарь, зажженный пламенной любовью Екатерины Ивановны; лошади испугались, рванулись въ сторону, дрожки опрокинулись и князь свалился въ канаву!

— «Какой тутъ чортъ пугаетъ фонаремъ моихъ лошадей?» — кричалъ испуганный князь.

— «Это я... я вышла къ тебѣ на встрѣчу, чтобы тебѣ удобнѣе было проѣхать».

— «Кто просилъ тебя тутъ, Катенька, соваться, ты чуть не убила меня своею нѣжностю!».

Кучерь въ это время остановилъ лошадей, слѣзъ съ ковель и кое-какъ мы втроемъ вытащили изъ канавы нас kvозъ промокшаго князя. Вода лилась съ его платья, а брань — съ языка. Екатерина Ивановна сама была и перепугана, и огорчена этимъ происшествіемъ, и не знала какъ успокоить своего друга. Они оба были правы, но на грѣхъ мастера нѣть; иногда и хорошия намѣренія имѣютъ дурныхъ послѣдствій.

Въ то старое добroe время переводчиковъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ для театра было очень немнogo, а драматическихъ сочинителей еще меныше и потому рѣдкій бенефисъ обходился безъ содѣствія князя Шаховскаго; не говорю уже о бенефисѣ Ежовой, для которой онъ ежегодно былъ повиненъ написать оригиналную пьесу, съ хорошею для нея ролью и вообще составить заманчивую афишку. Тутъ, разумѣется, выгоды ихъ были обоюдны: ихъ касса вѣроятно была одна. Князь Шаховской не имѣлъ никакого состоянія.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что если у него и были нѣкоторые нравственные недостатки, то его положительно нельзя упрекнуть въ корыстолюбіи. Я не помню ни одной его пьесы, которая бы не шла въ бенефисъ артистовъ и, разумѣется, эти пьесы отдавались имъ безъ всякаго вознагражденія; развѣ иногда кое-какіе неважные подарки предлагались князю послѣ удачнаго бенефиса

за его труды. Между тѣмъ какъ онъ, будучи съ директорами театровъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, могъ бы легко прода-вать свои цѣсы въ казну и имѣть отъ этого большія выгоды. Едва ли онъ такъ же получалъ жалованье, какъ драматический учитель, онъ былъ имъ просто изъ любви къ искусству.

Домашнее министерство финансовъ было по части Екатерины Ивановны, князь же, какъ членъ Россійской Академіи и общества любителей русского слова, состоялъ по министерству народнаго просвѣщенія и хлопоталъ только о томъ, чтобы у него были свѣчка или лампа въ его рабочемъ кабинетѣ, а что дѣ-лалось въ столовой, гостинной и даже въ дѣтской—это до него не касалось. Наружность князя была очень оригинальна и даже карикатурна: онъ былъ высокаго роста, брюхо его было не-объятной величины, голова большая и совершенно лысая, носъ длинный съ горбомъ; вообще вся фигура его была тучна и не-уклюжа, голосъ же, напротивъ, былъ тонокъ и пискливъ. Живучи у него на дачѣ и послѣ часто бывая у него, я имѣлъ случай хорошо ознакомиться и съ его характеромъ, и вообще съ домашнимъ его бытомъ. Князь былъ необыкновенно богомоленъ: еже-дневно цѣлый часъ онъ не выходилъ изъ своей молельни, гдѣ читалъ молитвы и акафисты и дѣлалъ обычное число земныхъ поклоновъ, такъ что на верхней части лба у него не сходило темноватое пятно, въ родѣ мозоли. Впрочемъ, это гимнастическое упражненіе было, вѣроятно, полезно для его здоровья при его тучности и сидячей жизни. Въ 1-е число каждого мѣсяца, въ день именинъ, рожденія его самаго или кого-нибудь изъ его семьи были у него на дому молебны; въ церкви же, по большімъ праздникамъ, онъ обыкновенно почти всю обѣдню стоялъ нако-дѣніяхъ, глубоко вздыхая, и со слезами на глазахъ повторялъ молитвы священника или исалтыри дьячка и пѣлъ вмѣсть съ хоромъ. (Крайне фальшиво: у него не было никакого слуха). Ан-tagonисты его положительно не вѣрили его религіозности и утверждали, что все это притворство и лицемѣріе, и называли его Тартюфомъ. Но какая же была цѣль этого лицемѣрія, какая польза? Кого же онъ хотѣлъ обмануть этой набожностью?

Въ монастырѣ подобное лицемѣрство имѣло бы смыслъ и значеніе, въ театральномъ же мірѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою

жизнь, въ этихъ антиподахъ монастырскаго обычая, всѣ такія продѣлки не имѣли ни смысла, ни цѣли, ни значенія.

Тогда, разумѣется, я не вѣрилъ искренности князя, а теперь не могу признать справедливость обвиненій его противниковъ, и вполнѣ убѣжденъ, что онъ не былъ Тартюфомъ. Катенинъ и Грибоѣдовъ были тогда болыше вольнодумцы, особенно первый, и любили подтрунивать надъ княземъ на счетъ его религіозныхъ убѣждений; тутъ онъ выходилъ изъ себя, спорилъ до слезъ и часто выбѣгалъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Кн. Шаховской, какъ драматическій писатель, по справедливости долженъ занять почтное мѣсто въ исторіи русскаго театра; онъ написалъ болѣе ста пьесъ: трагедій, драмъ, комедій, оперъ и водевилей, но едва-ли и половина изъ нихъ была тогда напечатана; въ настоящее же время онъ сдѣлялся библіографическою рѣдкостью и ихъ теперь не только не отыщешь въ книжныхъ лавкахъ, но сомнѣваюсь, чтобы онъ вполнѣ уцѣли и въ театральной библіотекѣ.

IV.

Въ продолженіе этого времени мнѣ довелось сыграть на нашей школьнай сценѣ нѣсколько значительныхъ ролей; на публичномъ же театрѣ я въ первый разъ игралъ въ 1818 году, роль Вильгельма—въ драмѣ «Эйлалія Мейнау», соч. Коцебу, въ бенефисѣ актера Боброва ¹⁾), который самъ проходилъ со мною эту роль. Въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ моей роли мнѣ даже аплодировали. Первый аплодисментъ, первое одобреніе публики! Боже мой, какъ я былъ—счастливъ! Я думалъ, что этотъ строгій, безпристрастный ареопагъ не можетъ ошибаться. Я былъ—13-ти-г҃тній мальчишка, мальчишку игралъ и былъ въполномъ восторгѣ! Съ этого времени мнѣ начали давать небольшія роли пажей, крестьянскихъ мальчиковъ и другія подходящія къ моему возрасту. Отецъ мой просилъ капельмейстера Кавоса учить меня пѣнію, я раза три былъ у него въ классѣ, но такъ какъ голосъ мой находился еще тогда въ переходномъ состояніи, т. е.

¹⁾ Елисей Петровичъ Бобровъ былъ замѣчательный воинъ въ свое время особенно личности Мольеровскихъ простаковъ подходили къ его простоватой фигурѣ и добродушной физіономіи; роли «Мѣщанинъ во дворянствѣ»—Мольера, «Транжиринъ»—Шаховскаго, «Богатонъ»—Загоскина исполнялись имъ недодражаемо хорошо.

П. Е.

изъ сопрано измѣнялся въ другой неопределенный, или лучше сказать, у меня тогда Кавосъ не доискался просто никакого голоса,— форсировать же неокрѣпшій голосъ не только бесполезно, но даже вредно— и потому опытный капельмейстеръ посовѣтовалъ мнѣ переждать это кризисное время. Не могу при этомъ случай не посвятить нѣсколькихъ строчекъ памяти этого необыкновенного человѣка.

Грустно становится, что въ нынѣшнее время мы не встрѣчаемъ уже болѣе такихъ безкорыстныхъ жрецовъ искусства, какіе были прежде. Катерина Албертовичъ Кавосъ былъ итальянецъ, уроженецъ Венеція, и съ молодыхъ лѣтъ переселился въ Россію. Онъ былъ прекрасный композиторъ, отличный знатокъ музыки и учитель пѣнія съ большимъ вкусомъ и прекрасною методою. Кромѣ занятій своимъ въ театрѣ, онъ 25 лѣтъ занималъ должность учителя пѣнія въ Екатерининскомъ институтѣ и въ Смольномъ монастырѣ. Кавосъ написалъ нѣсколько оперъ, музыку для балетовъ, разныхъ романсовъ, русскихъ пѣсень и проч. Лучшія его оперы: «Иванъ Сусанинъ», «Князь невидимка», «Любовная почта», «Илья богатырь» и «Вавилонскія развалины». Онъ вполнѣ можетъ называться основателемъ русской оперы въ Петербургѣ, потому что до него игрались у насъ оперы только иностраннѣхъ композиторовъ.

Кто бы могъ повѣрить, что большая часть пѣвцовъ и примадоннъ того времени не знали почти вовсе музыки и, благодаря неусыпному, тяжкому труду Кавоса, пѣли (по слуху) въ операхъ: Моцарта, Паэзельло, Чимаразо, Спонтини, Шпора, Херубини, Мегюля и другихъ первоклассныхъ маэстро. Чего ему стоило съ каждымъ отдельно выдалбливать его партію, налаживать ежедневно, то какъ канарейку, то какъ снигиря и потомъ согласовать ихъ вмѣстѣ въ дуэтахъ, тріо, квартетахъ, квинтетахъ и, наконецъ, въ финалахъ! Непостижимый трудъ, дивное терпѣніе, просто геркулесовскій подвигъ! За то все времена дни, чуть ли иногда не до глубокой ночи, онъ посвящалъ своимъ ученикамъ и службѣ. Кавосъ былъ человѣкъ необыкновенно доброй и сострадательной души, готовый на всякую услугу. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался директоромъ музыки, бѣднѣшіе музыканты находили въ немъ своего покровителя и отца; онъ всегда не только радушно ходатайствовалъ за нихъ

у начальства, но зачастую помогала имъ своими деньгами. Этотъ итальянецъ былъ просто выродокъ изъ своихъ одноземцевъ. Чтобы дать понятіе, какъ этотъ человѣкъ былъ далекъ отъ интригъ и зависти, которая такъ обыкновенна въ завуалисномъ мірѣ, я припомню здѣсь о безвзыскномъ участіи Кавоса при постановкѣ оперы: «Жизнь за Царя» Глинки: не смотря на то, что Кавосъ самъ написалъ оперу на тотъ же сюжетъ, подъ названіемъ «Иванъ Сусанинъ», онъ усердно принялъся разучивать новую оперу своего соперника и хлопоталъ о ней, какъ о своей собственной. Самъ Глинка печатно въ этомъ сознавался въ своихъ Запискахъ¹⁾.

V.

Говорить о моихъ учебныхъ занятіяхъ въ театральномъ училищѣ, о моей фитурантской толкотнѣ въ балетахъ, едва-ли это будетъ кому-нибудь интересно; и потому я перехожу теперь къ дебюту моего брата. Брать мой Василій явился въ первый разъ на сцену въ 1820 году, 3-го мая, на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ нашего отца, въ роли Фингала (въ трагедіи того же названія, соч. Озерова). Помню я, какъ въ этотъ вечеръ, за часъ до начала спектакля, вся семья наша собралась въ маленькую уборную, окно которой выходило на ту сторону, где былъ тогда комиссариатъ. Матушка наша сама одѣвала брата, прилаивала его костюмъ²⁾, причесывала, бѣлила и румянила, а на самой тогда лица не было. Этотъ часъ рѣшалъ судьбу ея сына. Тутъ пришелъ и Катенинъ осмотрѣть своего ученика, туалетъ которого былъ совсѣмъ почти оконченъ. Храбрый капитанъ тоже побаивался, хотя и старался своими словами ободрить робкаго дебютанта.

Наконецъ, пришелъ и отецъ напѣ спросить, готовъ ли братъ и можно ли начинать. Матушка, со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ сказала: «могно» и перекрестивъ сына, поцѣловала его. Черезъ нѣсколько минутъ раздалась громкая увертюра Козловскаго, и невольная дрожь пробѣжала по жиламъ дебютанта и его единокровныхъ. Брать, въ полномъ вооруженіи,

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. II, стр. 64—72.

²⁾ Полный костюмъ, со всѣми аксессуарами, отецъ нашъ сдѣвалъ на свой счетъ, потому что директоръ (кн. Тюфакинъ) отказалъ дебютанту въ новомъ костюмѣ. Казнь, какъ и уже выше замѣтилъ, былъ большой экономі. П. Е.

въ шлемѣ на головѣ, вышелъ изъ уборной и мы все, со страхомъ и трепетомъ, пошли за нимъ. Театръ, не смотря на прекрасную майскую погоду, былъ полонъ сверху до низу. Все наше семейство осталось за кулисами, никто изъ насъ не имѣлъ бодрости пойдти смотрѣть представленіе изъ зрительной залы, а бѣдная матушка наша со страха уѣжала за самую заднюю декорацию. Вотъ, наконецъ, Старинъ прочемъ монологъ, предшествовавший появленію Фингала:

«Но плески въ воздухѣ народа раздались... и проч.

Еще минута и Фингаль является на сцену. Единодушный громъ рукоплесканій зрителей также раздался въ воздухѣ, и дебютантъ, а за нимъ и мы вздохнули свободнѣе. Онъ, по惯例му обычай, преклонилъ голову передъ снисходительными зрителями и новые продолжительные аплодисменты вторично его привѣтствовали; наконецъ все умолкло, онъ началъ свой монологъ; голосъ его дрожалъ, слышно было, что онъ еще не можетъ съ нимъ совладать, не можетъ осилить свою робость, но когда онъ произнесъ окончательные стихи первого монолога, громкія рукоплесканія на этотъ разъ были уже не знакомъ ободренія дебютанту, но наградой и одобреніемъ. Первый актъ прошелъ съ успѣхомъ; мы въ половину были успокоены; но въ первомъ актѣ одна только декламація; второй актъ этой трагедіи самый трудный: онъ требуетъ и душевнаго жара, и сильнаго чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сценическихъ движений. Новые, мучительныя ожиданія, новые опасенія. Второй актъ произвелъ эффектъ больше первого; во многихъ мѣстахъ его роли, публика не давала ему кончить его рѣчи, и взрывы аплодисментовъ, и крики браво! были лестной наградой счастливому дебютанту. По окончаніи трагедіи, разумѣется, его вызвали нѣсколько разъ, и дебютъ брата моего, по справедливости, долженъ быть внесенъ въ театральную хронику, какъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ на русской сценѣ.

Само собою разумѣется, что братъ мой не могъ быть безъ погрѣшностей и недостатковъ; первыя роли въ трагедіяхъ требуютъ столько важныхъ условій, что мудрено ихъ удовлетворить начинающему актеру, 18-ти-лѣтнему юношѣ. Кромѣ чувствъ, душевнаго жара, яснаго произношенія, правильной дикціи, звучнаго

органа, мимика и пластика составляют необходимую принадлежность трагика. Хотя ростъ моего брата былъ высокъ не по годамъ, но вся фигура его тогда еще не сложилась; ни органъ его, ни физическая сила не могли быть въ полномъ развитіи; въ немъ замѣтна была также недостатокъ сценической ловкости, которая, конечно, приобрѣтается только опытностью; но при всемъ томъ болыгая часть данныхъ говорила въ его пользу и по первому дебюту можно было тогда судить о будущихъ его успѣхахъ.

Въ третьемъ актѣ я смотрѣлъ изъ первой кулисы; подле меня стоялъ старшій театральный плотникъ Ананій Фроловъ, которыйъ уже 40 служилъ въ этой должностіи; онъ оборотился къ другому плотнику, низенькому, черноволосому парню и сказалъ ему въполголоса: «Ну, братъ Васюха, насмотрѣлся я на дебютантовъ-то, перевидалъ ихъ на своемъ вѣку, но помяни мое слово, что этотъ молодецъ далеко пойдетъ и будетъ важный актеръ. Послѣ Алексея Семеновича (Яковлева) мнѣ не доводилось встрѣтить вдѣсь такого лихача!» Парень, къ которому относились эти слова, былъ Василий Жуковъ (впослѣдствіи известный табачный фабrikантъ, миллионеръ, первостатейный купецъ, коммерціи советникъ, с.-петербургскій городской голова и проч., и проч.), который тогда служилъ также плотникомъ на Большомъ театрѣ¹⁾. Старикъ Фроловъ въ одномъ Васильѣ (моемъ братѣ) угадалъ будущаго знаменитаго артиста по первому его дебюту, но какой прозорливый мудрецъ могъ бы тогда предвидѣть, глядя на Васюху Жукова, что онъ сдѣлаетъ себѣ такую блестящую карьеру!

По окончаніи спектакля я отпросился изъ школы домой, ради нашего семейнаго праздника. Изъ театра къ намъ собралось нѣсколько нашихъ короткихъ знакомыхъ поздравить брата съ успѣхомъ. Первый почетный гость былъ, разумѣется, Катенинъ; съ нимъ пришелъ также его двоюродный братъ Александръ Андреевичъ Катенинъ²⁾, товарищъ моего брата по гимназіи, бывшій

¹⁾ Къ чести Василия Григорьевича Жукова надо сказать, что онъ не только не скрывалъ прежняго своего аванта и горемычной бѣдности, но какъ человѣкъ правдивый, чуждый тщеславной гордости, зачастую вспоминаетъ о себѣ въ кругу своихъ гостей, и, вѣроятно, многимъ изъ его знакомыхъ доводилось слышать отъ него самого о разсказаномъ мною закулисномъ анекдотѣ.

П. Е.

²⁾ А. А. Катенинъ впослѣдствіи былъ генераль-адъютантомъ, командиромъ Преображенскаго полка, потомъ былъ дежурнымъ генераломъ, товарищемъ

тогда еще юнкеромъ Преображенского полка. Но такъ какъ юнкеромъ въ то время не позволялось ходить въ театръ, такъ онъ, переодѣвшись въ статское платье, забрался куда-то въ верхнюю галлерею. Не могъ не быть также въ нашемъ семействѣ кругу и нашъ неизмѣнныи другъ кн. Сумбатовъ, онъ только молча потиралъ руки и добродушно улыбался. Весело и шумно сѣли мы за ужинъ, выпили за здоровье учителя и ученика, которому, конечно, желали дальнѣйшихъ успѣховъ. Майская ночь въ Петербургѣ и такъ коротка, но для насъ она промелькнула незамѣтно. Давно уже взошло солнце, а никто изъ насъ не думалъ о снѣ. Мы не могли еще наговориться, нарадоваться, припоминая, въ какихъ именно мѣстахъ были рукоплесканія и гдѣ кричали «браво»; всѣ шумѣли, перебивали другъ друга, но надо же было наконецъ дать отдохнуть дебютанту, измученному потрясеніями прошлаго дня, надо было дать покой отцу и матери, которые вѣроятно не менѣе его были утомлены вчерашними хлопотами, мучительнымъ ожиданіемъ рокового спектакля и, наконецъ, избыткомъ радости. Смолкнувшій на время уличный шумъ возобновился; по мостовой начали снова дребезжать экипажи, на улицѣ послышалася людской говорь; крики мясниковъ, разносчиковъ и зеленщиковъ, съ ихъ обычными возгласами: «вотъ салатъ, шпинатъ, петрушка, огурцы зелены!» и проч. Поэтические восторги должны были уступить жизненной прозѣ, и одушевленная бесѣда и разговоры о будущихъ лаврахъ Мельноменъ были заглушены профанами-зеленщиками.

На слѣдующее утро, по обыкновенію, собрался театральный людъ на репетицію. Составились отдѣльные кружки актеровъ, актрисъ, танцовъ и проч. Разумѣется, о чёмъ же имъ было говорить, какъ не о вчерашнемъ спектаклѣ. Дебютъ новичка — дѣло не ежедневное, онъ всегда служить предметомъ толковъ, сужденій и споровъ. Большая часть закулисныхъ судей хвалили дебютанта, но тутъ, конечно, не могло обойтись безъ оппозиції; эту оппозицію составляли нѣкоторые изъ учениковъ кн. Шаховскаго, которому, вѣроятно, то же не очень былъ пріятенъ успѣшный дебютъ моего брата. Въ началѣ 20-хъ годовъ петербургская пресса была весьма ограничена, тогда издавалось всего двѣ или

военного министра кн. Долгорукаго, и наконецъ ореабургскіи военнымъ генераль-губернаторомъ.

П. К.

три газеты и тоже не более трехъ журналовъ: «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Благонамѣреній». Въ двухъ или трехъ газетахъ отозвались о дебютѣ моего брата съ похвалою, но вскорѣ появилась такъ-называемая ругательная статья въ «Сынѣ Отечества»; статья была подписана Александромъ Бестужевымъ (впослѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, подъ псевдонимомъ Марлинскаго), который былъ давнишній противникъ Катенина и принадлежалъ къ партіи Шаховскаго. На эту статью напечаталъ антикритику Андрей Андреевичъ Жандръ и завязалась продолжительная полемика. Не имѣя теперь подъ руками этихъ статей, я, конечно, не могу судить, на чьей сторонѣ оказался перевѣсъ.

Между тѣмъ, братъ мой продолжалъ неутомимо работать и приготовляться ко второму дебюту, который для него былъ важнѣе первого по многимъ отношеніямъ. Въ первый дебютъ онъ игралъ въ бенефисъ своего отца, который болѣе 25-ти лѣтъ былъ извѣстный актеръ, стало быть сынъ могъ ожидать къ себѣ отъ публики нѣкотораго снисхожденія, къ тому же, и пословица говорить: «первую пѣсенку, зардѣвшись спѣть», да и вообще въ первый дебютъ публика бываетъ не слишкомъ взыскательна; второй же дебютъ непремѣнно долженъ быть успѣшище первого, чтобы расположить публику въ свою пользу.

Всякій понимаетъ, что къ первому дебюту готовятся долго, стало быть дебютантъ имѣть возможность выработать и приготовить свою роль таѣ, чтобы исполнить ее съ возможною отчетливостью.

Большую ошибку дѣлаетъ начинающій актеръ, если онъ на первый разъ выбереть себѣ блестящую роль, а во второй дебютъ окажется слабѣе; онъ тогда много проигрываетъ въ мнѣніи публики.

Такъ, напримѣръ, было съ актеромъ Борецкимъ: онъ дебютировалъ въ Эдипѣ (трагедіи Озерова); роль сильная, эффектная и, какъ говорится, благодарная; успѣхъ былъ блестящій, но зато онъ въ этой роли, какъ бы истратилъ весь запасъ своего дарованія и не пошелъ далѣе; во всѣхъ послѣдующихъ роляхъ проглядывалъ тотъ же слѣпой Эдипъ; лучше этой роли онъ рѣшиительно ничего не сыгралъ въ продолженіе своей двадцатилѣтней службы.

Второй дебютъ моего брата былъ 13-го мая, въ роли Эдипа (въ трагедіи «Эдипъ-царь», соч. Грузинцева). Эта роль считалась

самою трудною изъ всего репертуара классическихъ трагедій; она требовала много чувствъ, силы, мимики и пластики. Въ этой трагедіи — Эдипъ, еще молодой человѣкъ; страшная, карающая его судьба ему еще неизвѣстна; онъ еще не знаетъ, что онъ убійца своего отца и мужъ своей матери; обо всемъ этомъ онъ узнаетъ въ продолженіе трагедіи; легко себѣ вообразить, какихъ сценическихъ средствъ требуется отъ актера для выполненія этой сильной роли. Въ 5-мъ актѣ онъ является на сцену съ выколотыми глазами и, осуждая себя на вѣчное изгнаніе изъ отечества, прощается со своими дѣтьми.

Ростъ брата Василія, красивая наружность, великолѣпный греческий костюмъ, много говорили въ его пользу при первомъ его появленіи. Принять онъ былъ прекрасно; тотъ же восторгъ и аплодисменты, какъ и въ первый разъ; всѣ сильныя мѣста его роли имѣли блестящій эффектъ, и второй дебютъ удался сверхъ ожиданія. Третій его дебютъ былъ 27-го мая въ роли Танкреда (трагедія Вольтера, переводъ Гнѣдича). Эта роль соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его средствамъ и фигурѣ. Роль эта не такъ сильна, какъ двѣ первыя, но очень эффектна, симпатична и выгодна для дебютанта; личность благородного и несчастнаго Танкреда возвуждается въ зрителяхъ невольное къ нему сочувствіе. Въ этотъ спектакль дебютантъ былъ принятъ публикою съ такимъ же одобрѣніемъ, какъ и въ прежнихъ роляхъ.

По принятymъ правиламъ театральной администраціи, судьба дебютанта обыкновенно решается или послѣ первого дебюта, если дебютантъ окажется положительно бездарнымъ, или послѣ третьяго, если въ немъ дирекція находить дарованіе; не знаю почему, только отъ брата моего потребовали четвертаго дебюта, который и состоялся 11-го іюля, въ роль Пожарского (трагедія Крюковскаго). Замѣчательно, что всѣ его дебюты происходили въ самое невыгодное время для театральныхъ представлений.

Въ лѣтнюю пору, какъ извѣстно, мало охотниковъ посѣщать спектакли, стало быть надобно сильно заинтересовать публику, чтобы заманить ее въ театръ, но во всѣ дебюты моего брата были почти полные сборы.

28-го іюля онъ былъ определенъ на службу и подписалъ кон-

тратъ на три года, съ жалованьемъ по 2,000 руб. ассигнаціи, казенная квартира, 10 сажень дровъ и въ три года одинъ бенефисъ.

VI.

Въ 1822 году дебютировала на Большомъ театрѣ, подъ руководствомъ кн. Шаховскаго, воспитанница театрального училища Дюрова, въ комедіи «Школа женщинъ» Мольера (перев. Хмельницкаго), и имѣла замѣчательный успѣхъ; во второму ея дебюту была приготовлена комедія «Молодость Генриха V», и кн. Шаховской хотѣлъ, чтобы и я также дебютировала вмѣстѣ съ нею. Собственно говоря, это не могло называться дебютомъ, потому что я уже года два или три участвовалъ въ драматическихъ спектакляхъ. Роль, выбранная княземъ для моего дебюта, была вовсе не важная. Мнѣ поапплодировали, какъ дебютанту, при первомъ выходѣ—и только. Въ концѣ пьесы начали громко вызывать дебютантку, и князь мнѣ также велѣлъ выйти вмѣстѣ съ нею, хотя я вполнѣ сознавалъ, что не стою этой чести; короче сказать, мой дебютъ прошелъ такъ себѣ, ни дурно, ни хорошо. Замѣчательно, что въ тотъ же вечеръ я участвовалъ въ балетѣ «Тѣнь Либаса», какъ фігурантъ. Крѣпостникъ Дидло не согласился еще дать мнѣ вольную.

Въ 1823 году, 1-го марта, я выпущенъ изъ училища на роли въ оныхъ любовниковъ. Въ общественномъ быту—счастливымъ любовникамъ, конечно, многіе могутъ позавидовать, но счастливые любовники въ комедіяхъ и драмахъ—самыя несчастныя созданія; они каждый вечеръ повторяютъ свои стереотипныя объясненія въ любви, тянуть безпрерывную канитель и надобдаются зрителямъ до тошноты своими приторными сладостями; а любовники въ старину были еще приторнѣе нынѣшнихъ. Въ прежнихъ комедіяхъ по большей части авторы выводили двухъ любовниковъ: одинъ—повѣса, негодай и вертопрахъ, а другой—нравственный, скромный и благовоспитанный молодой человѣкъ; первый изъ нихъ обыкновенно тѣшился публикѣ, и смѣшными фразами, и комическими своимъ положеніемъ, а второй—кромѣ скуки, ничего не выжметъ изъ своей роли, за что и получаетъ въ концѣ пьесы обычную награду и, какъ счастливый соперникъ, соединяется со своей возлюбленной. Вотъ этихъ-то счастливцевъ мнѣ и суждено было изображать, почти лѣтъ десять къ ряду, пока судьба не вытолкнула меня на

другое амплуа, более подходящее къ моему веселому характеру, а можетъ быть и способностямъ.

VII.

Въ 1828 году перешелъ съ московской сцены на петербургскую актеръ Рязанцевъ, и съ первыхъ же своихъ дебютовъ сдѣлался любимцемъ публики. Это былъ, действительно, замѣчательный комикъ. Онъ былъ небольшаго роста, толстенький, кругленький, краснощекий, съ лицомъ, полнымъ жизни, съ большими черными и выразительными глазами; всегда весель и натураленъ, всегда симпатично дѣйствовалъ онъ на зрителей. Такой непринужденной веселости и простоты я не встрѣчалъ ни у кого изъ своихъ товарищъ въ продолженіе моей службы. При появленіи его на сцену, у всѣхъ невольно появлялась улыбка и комизмъ его возбуждалъ въ зрителяхъ единодушный смѣхъ. Жаль, что этотъ преждевременно погибшій артистъ былъ подверженъ нашей національной слабости, обыкновенной спутницы русскихъ самородныхъ талантовъ. Разгульная жизнь много вредила ему серьезно изучать свое искусство. Ему случалось за-частую выходить на сцену съ нетвердой ролью, но за то онъ имѣлъ необычайную способность слушать суплера и умѣлъ всегда ловко вывернуться изъ бѣды. Вотъ одинъ закулисный анекдотъ, который даетъ нѣкоторое понятіе о его сметкѣ и находчивости. Однажды мы играли трехъ-актную комедію, подъ названіемъ «Жена и должность», переведенную съ французскаго Мундтомъ. На послѣдней репетиціи Рязанцевъ не отходилъ отъ суплёрской будки и, какъ говорится, «ни въ зубъ толкнуть». Тогда былъ у насъ инспекторомъ драматической труппы нѣкто Храповицкій, Александръ Ивановичъ, отставной полковникъ Измайловскаго полка¹⁾). Онъ всегда сиживалъ подъ суплера и строго слѣдилъ за порядкомъ. На этотъ разъ онъ морщился, вздыхалъ, пожималъ плечами, теръ себѣ затылокъ и вертѣлся на стулѣ, какъ на иголкахъ. Наконецъ, въ 3-мъ актѣ терпѣніе его лопнуло; онъ вскочилъ и сказалъ Рязанцеву:

¹⁾ Этотъ Храповицкій былъ страстный любитель театра и самъ отчаянныи трагикъ; съиздавна онъ свирѣпствовалъ на своихъ домашніхъ спектакляхъ и считалъ себя великимъ артистомъ и знахаремъ театральнаго искусства. О немъ я послѣ скажу поподробнѣе.

П. К.

— «Что же это значитъ, братецъ? Какъ же ты будешь играть сегодня вечеромъ?»

— «Ничего, Александръ Ивановичъ, утро вечера мудренѣе, сыграю какъ-нибудь».

— «Какъ-нибудь! вскричалъ Храповицкій въ бѣшенствѣ. Нѣть, любезный, ты меня извини, но всему есть мѣра. Эта комедія переведена Мундтомъ (Мундтъ въ то время былъ секретаремъ директора, кнзя Сергія Сергеевича Гагарина), онъ завтра скажетъ директору, что я ни зачѣмъ не смотрю, и мнѣ будетъ нахлобучка. Не прогнѣвайся, любезный, я хотя тебя очень люблю, но не намѣренъ изъ за тебя получать выговоровъ. Дружба—дружбой, а служба—службой. Я сегодня приглашу его сіятельство въ театръ полюбоваться, какъ ты занимаешься своею должностю».

Съ этими словами онъ ушелъ съ репетиціи, не досидѣвъ до конца, чего никогда съ нимъ не случалось. Рязанцевъ хладнокровно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, махнулъ рукой и сказалъ: «дудки! онъ не въ первый меня этимъ страшаетъ, да нашего директора въ намъ въ театръ и калачемъ не заманишь». (Дѣйствительно, кн. Гагаринъ весьма рѣдко удостоивалъ насъ этой чести; онъ являлся въ русскіе спектакли по экстренной какой-нибудь надобности, напримѣръ, когда государь прїѣжалъ въ театръ, или, когда послѣ пьесы былъ какой-нибудь маленький балетъ или дивертисментъ). Въ тотъ вечеръ, передъ нашей комедіей, шель какой-то водевиль; я одѣлся, вышелъ за кулисы, и увидѣвъ кн. Гагарина въ его директорской ложѣ, побѣжалъ сказать Рязанцеву объ этомъ неожиданномъ гостѣ.

— «Ну, братъ Вася, плохо! Кн. Гагаринъ прїѣхалъ! Онъ вѣрно явился для нашей комедіи; видно Храповицкій сдержаль слово».

— «Вотъ это подло, сказалъ Рязанцевъ, не ждалъ я отъ Храповицкаго такой низости».

Тутъ онъ началъ торопливо одѣваться и позвалъ къ себѣ въ уборную нашего супфлѣра Сибиракова, которого заставилъ начитывать ему свою роль. Рязанцевъ продолжалъ одѣваться, раскрашивая свою физіономію, а супфлѣръ торопливо читалъ пьесу около него, какъ дѣячекъ. Тутъ режиссеръ позвалъ всѣхъ на сцену и Рязанцевъ сказалъ Сибиракову: «Ну, смотри, Иванъ, держи ухо востро, не зѣтай, выручи меня изъ бѣды; надо его сіятельству

туману напустить. Смотри же, чтобы я зналъ роль. Завтра угощу тебя до положенія ризь».

Началась наша комедія довольно, впрочемъ, сухая; первыя явленія были безъ Рязанцева, но лишь только онъ вышелъ на сцену, публика оживилась, симпатичность его вступила въ свои права и дѣло пошло на ладъ; онъ игралъ молодцомъ, весело, живо, съ энергией, не запнулся ни въ одномъ словѣ и брагъ, какъ говорится, не митьемъ, такъ катаньемъ. Публика была совершенно довольна; смѣялась отъ души, вызвала его и другихъ артистовъ, и комедія удалась вполнѣ. Даже его сіятельство два или три раза хотѣлъ улыбнуться. По окончаніи комедіи кн. Гагаринъ (человѣкъ гордый и серьезный), выходя изъ своей ложи, прошѣдъ сквозь зубы Храповицкому, котораго онъ не очень жаловалъ: «Что же вы мнѣ давеча нагородили о Рязанцевѣ? Дай Богъ, чтобы онъ всегда такъ игралъ». Онъ какъ-будто хотѣлъ этимъ сказать: стоило ли меня беспокоить по-пустому. Ошеломленный Храповицкій пришелъ въ намѣ въ уборную и сказалъ Рязанцеву:

— «Ну, братъ Вася, чортъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ такой! Ты такъ игралъ, что я просто ротъ разинулъ».

— «Да за то чего же мнѣ это и стоило, Александръ Ивановичъ, отвѣчалъ Рязанцевъ, утирая лившійся съ него потъ и перемѣнная бѣлье. Видите, я отъ волненія и усердія, теперь какъ мокрая мышь».

Храповицкій часто насы потѣшалъ своимъ курьезами и наивностью. Онъ былъ отчаянныи формалистъ и бюрократъ, и страдалъ какой-то бумагоманией. Въ продолженіе одного года у него насчитывалось до 2,000 №№ исходящихъ бумагъ, не смотря на то, что по неграмотности его, онъ стоили ему головоломнаго труда; о всякихъ пустякахъ у него писались отношенія, рапорты, предписанія и донесенія, то въ театральную контору, то дирекtorу, то начальному репертуару, то актерамъ. Особенно онъ наѣдалъ своими рапортами директору.

Когда ввели во французской труппѣ обыкновеніе колокольчикомъ ссыпать артистовъ изъ уборной на сцену. Князь Гагаринъ приказалъ тоже дѣлать и въ русскомъ театрѣ. Храповицкій, по этому важному случаю, написалъ въ контору требование, что-де нужно купить большой валдайскій колокольчикъ. Кн. Гагаринъ,

любившій всегда что-нибудь сдѣлать Храповицкому наперекоръ, написалъ собственноручно на его бумагѣ: «купить колокольчикъ, только не валдайскій». Храповицкій задумался, гдѣ же ему пробрѣсти большой колокольчикъ не валдайскаго произведенія?

Какъ-то разъ начальникъ репертуара Р. Зотовъ присыпаетъ ему записку, въ которой пишеть, что такую-то новую пьесу придется вѣроятно положить въ Лету. Храповицкій опять задумался, подозрѣвалъ меня и говорить: «Посмотри, пожалуйста, что это такое пишеть мнѣ Зотовъ? Тутъ вѣрно ошибка и надо было написать, отложить къ лѣту, но лѣтомъ такую большую пьесу намъ ставить вовсе невыгодно». Когда же я ему объяснилъ, что миѳологическая Лета значить рѣка забвенія,—онъ очень этимъ огорчился и саркастически замѣтилъ, что въ дѣловыхъ бумагахъ миѳология вовсе неумѣстна.

Однажды на масляницѣ онъ замѣтилъ, что старшій нашъ канцеляринъ былъ пьянъ; онъ подозрѣвалъ его къ себѣ и началъ его распекать: «Ну, боишься ли ты Бога? Есть ли въ тебѣ совѣсть? говорилъ онъ, на масляницѣ, когда у насъ и утромъ и вечеромъ спектакли, ты пьянехонеешь, не могъ подождать! ну вотъ придетъ великий постъ, пей себѣ, сколько хочешь, никто тебя не осудитъ».

VIII.

Первый мой водевиль «Знакомые незнакомцы», былъ игралъ въ 1830 г. Мотивомъ для эпизодической сцены двухъ журналистовъ послужила мнѣ бывшая въ то время ожесточенная вражда Булгарина и Полеваго. Хотя эти два дѣйствующія лица никакъ не были похожи относительно ихъ частной жизни, но публика поняла этотъ намекъ, тѣмъ болѣе, что Рязанцевъ, игравшій петербургскаго журналиста, лицомъ и голосомъ очень походилъ на Булгарина.

Оконча мой водевиль, я представилъ его въ дирекцію; долго не получалъ никакого отвѣта, наконецъ Мундтъ, секретарь директора, сказалъ мнѣ, отъ имени кн. Гагарина, что если я соглашусь отдать свою пьесу безвозмездно, то онъ прикажетъ поставить ее на сцену. Я отвѣчалъ ему, что не смѣлъ и мечтать о какомъ-нибудь вознагражденіи, а желаю только, чтобъ ее сыграли на публичной сценѣ. Водевиль мой былъ принятъ, пропущенъ цензурой и приступлено къ его постановкѣ. Н. Дюръ подобралъ

музыку для куплетовъ и вскорѣ начались репетиціи. Въ немъ участвовали всѣ лучшіе комическіе артисты того времени: Рязанцевъ, Дюръ, Григорьевъ, Воротниковъ и Шемаевъ. Женскую роль играла Шелехова.

Всѣ артисты были довольны своими ролями и предсказывали большой успѣхъ моему первому дѣтищу; это дѣтище меня самого занимало какъ ребенка, но отцовское сердце замерло отъ страха, когда я увидѣлъ на афишѣ: «На Новомъ театрѣ, у Симіоновскаго моста, завтра, въ среду, 12-го февраля, будетъ представленъ въ 1-й разъ «Знакомые незнакомцы», водевиль въ одномъ дѣйствіи». И имени автора, по моему желанію, не было выставлено.

И дѣйствительно, слѣдовало бы положить за правило, не выставлять никогда именъ начинающихъ сочинителей. Расчетъ простой и благородный: понравится пьеса, публика вызоветъ автора, не понравится — и знать его не въ чёмъ.

Деревянный театръ у Симіоновскаго моста (на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь скверъ), былъ выстроенъ для цирка Турнѣра, который долго тамъ давалъ конные свои представленія; впослѣдствіи дирекція купила его, передѣлала арену въ партеръ и преобразила въ императорскій театръ.

Въ день представленія моего водевиля, по окончаніи репетиціи, Храповицкій позвалъ насъ всѣхъ къ себѣ на блины (тогда была масляница). Онъ жилъ пососѣству къ театру, на Моховой, въ собственномъ домѣ. Прійдя къ Храповицкому, мы сѣли за столъ, подали блины и хозяинъ, вмѣстѣ съ гостями, выпили за успѣхъ моего водевиля; я благодарили ихъ за доброе желаніе, но тутъ кто-то изъ насъ пролилъ масло, актриса Шелехова замѣтила, что это дурная примѣта для автора, но жена Храповицкаго, хотя была женщина и съ предразсудками, очень серьезно успокоивала меня и сказала, что на масляницѣ пролить масло ничего дурнаго не можетъ предвѣщать. Рязанцевъ тутъ прибавилъ, что, напротивъ, это означаетъ, что водевиль мой пойдетъ какъ по маслу. «Дай-то Богъ, только бы мой первый блинъ не вышелъ комомъ», отвѣчалъ я ему.

Позавтракавъ у Храповицкаго, мы разѣхались по домамъ. Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я рокового вечера. Явившись въ театръ, у меня духа не хватило идти въ партеръ и я остался за кулисами. Водевиль начался. Первыя явленія прошли благо-

получно, два или три куплета были повторены по требование публики и у меня отлегло от сердца. Явился Рязанцевъ и дѣло пошло какъ по маслу, по его же предсказанію. Короче сказать, водевиль былъ разыгранъ на славу и имѣлъ большой успѣхъ; по окончаніи его начали вызывать автора, я вышелъ на сцену; когда публика увидѣла, что авторъ—актеръ (что тогда еще было болышио рѣдкостью), меня вызвали вторично; затѣмъ вызвали всѣхъ артистовъ. Я былъ въ полномъ восторгѣ.

Вообще успѣхъ первого представлениія пьесы не есть еще ручательство за ея достоинство, потому что тутъ бываютъ, по большей части, знакомые автора, которые за долгъ себѣ поставляютъ разыгрывать роли клакеровъ; но у меня тогда рѣшительно таковыхъ не имѣлось и мои «Знакомые незнакомцы» были одобрены вовсе незнакомыми мнѣ зрителями. До закрытія театровъ, передъ великимъ постомъ, мой водевиль сыграли раза два или три, но г. директоръ не удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Прошелъ великий постъ, прошло даже два съ половиной мѣсяца, послѣ первого представлениія моего водевиля, но мнѣ напре благосклонное начальство даже спасибо не сказало за него, что мнѣ было очень тогда прискорбно.

По открытіи театрловъ, послѣ Пасхи, встрѣтилъ меня Булгарины на Невскомъ проспектѣ и, погрозивъ пальцемъ, сказали мнѣ: «Ага! молодой человѣкъ, вы въ напѣ огородъ камешки бросаете, задѣваете нашу братію-журналистовъ, берегитесь, вѣдь мы народъ бѣдовий, смотрите, не обожгитесь». Я переконфузился и началъ оправдываться тѣмъ, что о немъ ничего у меня не сказано оскорбительнаго; но онъ, взявъ меня за руку, сказалъ: «Полноте, полноте, я пошутилъ, я не такой человѣкъ, и самъ готовъ смыться надъ своими слабостями, а у кого же ихъ нѣть?

«Смѣяться право не грѣшно,
«Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно».

А Рязанцевъ, собака, говорятъ мастерски меня скорчилъ. Я не видалъ еще вапней пьесы, по многіе хвалять; на дняхъ непремѣнно пойду посмотрѣть и самъ напишу о ней статью, только ужъ не прогнѣвайтесь, какая случится. Въ литературномъ дѣлѣ

у меня нѣть ни свата, ни брата.... мнѣ тетка Варвара, а правда сестра»¹⁾.

Недѣлю спустя, послѣ этой ветрѣчи, играли мой водевиль на Маломъ театрѣ. По окончаніи спектакля, Булгаринъ пришелъ къ намъ въ уборную, въ полномъ восхищеніи, хвалилъ и меня, и актеровъ, а Рязанцева, который представлялъ его личность, называлъ своимъ двойникомъ.

Вскорѣ появился въ «Сѣверной Ічелѣ» фельетонъ Булгарина, гдѣ онъ расхвалилъ мой водевиль; потомъ Полевой, въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ», также благосклонно о немъ отозвался, несмотря на то, что московскій журналистъ выведенъ у меня личностью, не совсѣмъ благовидной. Вотъ что, между прочимъ, тамъ было сказано: «говорятъ, что авторъ «Знакомыхъ незнакомцевъ» хотѣлъ насъ вывести въ лицѣ журналиста Баклушина, но мы нисколько на это не въ претензіи; напротивъ, очень рады, если наша личность послужила ему типомъ для милаго и остроумнаго водевиля». Другія газеты также похвалили мой водевиль.

Мѣсяца черезъ четыре, кажется, я получилъ отъ директора въ подарокъ золотые часы; но я вполнѣ увѣренъ, что безъ журнальныхъ похвалъ едва ли бы я удостоился директорской награды. 23-го сентября, того же года, этотъ водевиль былъ игрانъ въ присутствіи покойнаго государя, императрицы и всей царской фамиліи; государь остался имъ очень доволенъ и чрезъ нѣсколько дней я получилъ отъ него прекрасный брилліантовый перстень.

Петербургская аристократія тогда очень рѣдко посѣщала нашъ русскій театръ; она постоянно бывала въ итальянской оперѣ, во французскихъ спектакляхъ и балетѣ; но въ этотъ разъ, узнавъ еще наканунѣ, что государю угодно видѣть русскій водевиль, за долгъ себѣ поставила запастись билетами, а потому весь бель-этажъ и первые ряды креселъ въ этотъ вечеръ были заняты лицами высшаго общества.

Я помню, какъ Храповицкій послѣ спектакля сказалъ мнѣ: «знаешь ли ты, братецъ, въ какое время тебѣ посчастливилось доставить удовольствіе государю, ему, батюшкѣ, теперь не до

¹⁾ Это была любимая поговорка Булгарина. Не знаю, была ли у него тетка Варвара, но что касается до сестры, такъ обѣ этомъ старушка на двое говорила.

веселья. Завтра, говорить, онъ уѣзжаетъ въ Москву, гдѣ ужъ появилась холера».

Дѣйствительно, на другой же день онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ неожиданный его пріѣздъ оживилъ упавшихъ духомъ москвичей и предупредилъ, можетъ быть, народное волненіе.

Въ слѣдующемъ году, 1-го февраля, «Знакомые невнакомцы» были играны на Эрмитажномъ театрѣ и за этотъ спектакль Рязанцевъ, я, Григорьевъ и Шелѣхова получили подарки¹⁾.

Мнѣ еще не разъ придется въ моихъ Запискахъ вспомнить съ душевною благодарностію о милостяхъ покойнаго государя.

Осеню 1830 года была играна другая моя пьеса, подъ наименіемъ «Сентябрьская ночь», въ бенефисъ Рязанцева (имени автора я также не рѣшился выставить на афишѣ). Въ немъ участвовали, кроме самого бенефиціанта, Григорьевъ, Дюръ и Воротниковъ, тѣ же самые персонажи, которымъ я былъ обязанъ успѣхомъ первого моего водевиля. Хотя эта пьеска не имѣла такого успѣха, какъ первая, но она была такъ дружно и ловко разыграна, что понравилась публикѣ. Начали вызывать автора, но я считалъ себя недостойнымъ этой чести, не рѣшился выйти и просилъ сказать, что автора нѣтъ въ театрѣ. Рязанцевъ хотѣлъ-было меня насильно вытащить, но я уѣжалъ наверхъ въ уборную и спрятался тамъ. Этую пьеску въ то время очень часто играли во многихъ кадетскихъ корпусахъ, потому что въ ней нѣтъ женскихъ ролей.

IX.

Въ 1830 году комедія «Горе отъ ума» была играна отрывками, сначала 1-е дѣйствіе (въ бенефисъ Сосницкаго), потомъ 3-е—въ бенефисъ (Александры Михайловны Каратыгиной). Въ іюнѣ, того же года, мнѣ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ, дирекція назначила бенефисъ, и мы съ нимъ рѣшились выпросить позволеніе у Булгарина (которому покойный Грибоѣдовъ предоставилъ полное право распоряжаться своею комедіей), взять въ свой бенефисъ четвертое дѣйствіе. Булгаринъ жилъ тогда въ своемъ Карловѣ. Мы ему написали самое чувствительное письмо и вскорѣ получили отъ

¹⁾ Въ 1833 году, 8-го ноября, открывали Михайловскій театръ, предназначавшійся собственно для французскихъ спектаклей, но для открытия его было приготовленъ новый балетъ: «Воспитанница амура», а передъ нимъ (по приказанію покойнаго государя) былъ игранъ мой водевиль. П. Е.

него письменное разъяснение. Къ чести Булгарина надобно сказать, что онъ поступилъ съ нами очень великодушно: онъ не взялъ съ насъ за это позволеніе ни гроша, хотя черезъ полтора года послѣ того (въ 1832 г.) Брянскій долженъ былъ заплатить Булгарину 1,000 руб. ассигн. за дозволеніе сыграть комедію въ свой бенефисъ въ полномъ составѣ¹⁾.

Въ бенефисъ нашъ съ Григорьевымъ шла драма «Людмила» и 3-е и 4-е дѣйствія комедіи «Горе отъ ума». И не смотря на знайона Петровки, театръ былъ совершенно полный, по возвышеннымъ цѣнамъ. Вотъ какъ были тогда распределены роли:

Чацкій—Каратыгинъ 1, Фамусовъ—Рязанцевъ, Софья—Семенова²⁾, Платонъ Михайловичъ—Бранскій, Наталия Дмитревна—Каратыгина (Александра Михайловна), Загорецкій—Григорьевъ, Молчалинъ—Дюръ, Лиза—Монготье, Скалоzубъ—Экунинъ, Хлестова—Ежова, Репетилова игралъ—я, потому что Сосницкій былъ тогда боленъ и лечился въ Одессѣ. По возвращеніи же его изъ отпуска, онъ занялъ принадлежащую ему по всѣмъ правамъ роль; а я съ тѣхъ поръ стала играть Загорецкаго. Рязанцевъ былъ очень забавенъ въ Фамусовѣ, но по моему лучше Щепкина едва ли можно сыграть эту роль.

Здѣсь я бы желалъ высказать нѣсколько личныхъ мнѣній о тѣхъ спорныхъ пунктахъ, которые и теперь иногда появляются въ театральныхъ рецензіяхъ, когда рѣчь идетъ о комедіи «Горе отъ ума». Не помню кто-то изъ нынѣшнихъ критиковъ утверждалъ положительно, что Молчалинъ долженъ быть старше Чацкаго. На чѣмъ же было основано это странное мнѣніе? На одномъ стихѣ, который говорить Фамусовъ:

«Даль чинъ ассеccора и вѣлъ въ еекретари».

¹⁾ Брянскій, однако, ошибся въ разсчетѣ и не сдѣлалъ полнаго сбора. Назначивъ слишкомъ высокія цѣны на мѣста, онъ не принялъ въ соображеніе того, что три акта этой комедіи (1-й, 3-й и 4-й) уже были играны въ продолженіе цѣлаго года, стало быть въ его бенефисъ новостью для публики былъ только одинъ 2-й актъ.

Странная судьба этой бессмертной комедіи: почти 40 лѣтъ она представлялась на сценѣ и печаталась съ значительными выпусками и только въ 1869 году (въ мой бенефисъ) было дозволено цензурою играть ее вполнѣ въ томъ видѣ, какъ она написана авторомъ.

П. Е.

²⁾ Этую актрису не должно смѣшивать съ ея однофамилицей—зваменитой трагической актрисой, которая тогда уже сошла со сцены.

П. Е.

Этот критикъ не сообразилъ того обстоятельства, что въ то старое доброе время чиновники записывали своихъ сыновей на службу, чуть ли не съ 12-ти лѣтъ, такъ что же мудренаго, что Молчалинъ на 20-мъ году могъ получить этотъ чинъ по проекціи Фамусова. Если же этого не было, то какъ же понимать стихи Чацкаго:

«Подумайте: всегда вы можете его (г. с. Молчалива)

«Беречь и пеленать, и посыпать за дѣломъ;

«Мужъ—мальчикъ, мужъ слуга, изъ жениныхъ пажей» и проч.

Потомъ самъ Молчалинъ говоритъ о себѣ:

«Въ мои лѣта не должно сѣть

«Свое сужденіе имѣть».

Не ясно ли это доказываетъ, что Молчалинъ человѣкъ еще очень молодой.

Другой критикъ утверждаетъ, что Чацкому должно быть не болѣе 20-ти лѣтъ, потому что онъ вмѣстѣ съ Софьей росъ и воспитанъ, а Софья, по словамъ Чацкаго, 17-ть лѣтъ. Тутъ явно оказывается большая несообразность въ ихъ метрическихъ свидѣтельствахъ. Еслибы Чацкому было дѣйствительно 20-ть лѣтъ, то какимъ же образомъ три года онъ пробылъ за границей? до того времени, по крайней мѣрѣ, три года прослужилъ въ камареріи вмѣстѣ съ Платономъ Михайловичемъ? Потомъ Молчалинъ въ сценѣ съ Чацкимъ говорить ему:

«Татьяна Юрьевна разсказывали что-то,

«Изъ Петербурга воротясь,

«Съ министрами про вашу связь,

«Потомъ разрѣсть...»

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что Чацкій, оставя военную службу, служилъ потомъ по статскимъ дѣламъ, и потому, какъ ни разсчитывай — Чацкому шіпітимъ --- должно быть лѣтъ 25-ть или 26-ть.

Изъ біографіи Грибоѣдова видно, что онъ писалъ свою комедію въ продолженіе двухъ лѣтъ; легко можетъ быть, что тутъ вкрадалась маленькая неточность въ хронологіи; такъ же точно, какъ въ манускриптѣ автора, а потомъ во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ «Горя отъ ума», есть стихъ, явно ошибочной. Чацкій говоритъ Платону Михайловичу:

«Не въ прошломъ ли году въ концѣ,

«Въ полку тебя я зналъ» и проч.

Могъ ли Чапкій въ прошломъ году его знать, когда самъ три года былъ за границей?

По моему мнѣнію, стоило бы только Грибоѣдову прикинуть года три или четыре Софью Павловнѣ, тогда бы и спора никакого не было о годахъ дѣйствующихъ лицъ.

Теперь о костюмировкѣ. Многіе изъ театральныхъ критиковъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ требовали непремѣнно, чтобы костюмы дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствовали тому времени, въ которое была написана эта комедія. Я не навязываю ни кому своего мнѣнія, но полагаю, что тратиться дирекціи на старомодные костюмы не только бесполезно, но это даже будетъ въ ущербъ самой пьесѣ. Извѣстно, что давно отжившая мода бываетъ карикатурна и возбуждаетъ невольный смѣхъ; что же будетъ хорошаго, если Чапкій явится во фракѣ, съ широчайшимъ воротникомъ, упирающимся въ затылокъ, съ рукавами въ обтяжку, съ поднятыми буфами на плечахъ, съ талей на спинѣ, съ узкими фалдами, въ короткомъ жилетѣ, въ высокомъ галстукѣ, съ торчащими на щекахъ воротничками и проч. Я увѣренъ, что при первомъ его выходѣ большая часть публики не удержится отъ смѣха и, того гляди, своимъ смѣхомъ разсмѣшить и самого актера. Софья Павловна покажется еще забавнѣе: съ талей чуть не подъ мышками, въ узкомъ обдернутомъ платьѣ, въ уродливой причесѣ, съ высокой черепаховой гребенкой въ косѣ и прочими карикатурными принадлежностями. Мода мѣняется ежегодно, и за-частую прежній покрой платьевъ снова входитъ въ моду; за нею не угоняешься, стало быть и хлопотать не изъ чего.

Грибоѣдовъ написалъ свою комедію въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Еслиъ театральная дирекція пожелала исполнить требование нашихъ критиковъ, то была бы въ большомъ затрудненіи при выборѣ модныхъ картинокъ того времени, которую изъ нихъ предпочесть—не ту ли, которая посмѣшила?

Мужской бальный нарядъ (черная пара) былъ точно такой же тогда, какъ и теперь; разница только въ покроѣ. Правда, что франты, двадцатыхъ годовъ, являлись на балы въ узкомъ нижнемъ платьѣ (pantalon collants), въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, но вѣдь у Фамусова вовсе не баль, Софья Павловна ясно говорить Скалозубу:

Вы на вечеръ къ намъ будете?
 Сѣдутся домашніе друзья
 Чотацовать подъ фортепіано,
 Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Само собою разумѣется, что Скалозубъ долженъ быть въ формѣ александровскаго времени (въ ботфортахъ, въ трехъугольной шляпѣ съ чернымъ перомъ), кн. Тугоуховскій, Фамусовъ и, пожалуй, еще два — три старика изъ гостей, также должны быть одѣты въ старомодныя платья. (Я помню, напримѣръ, графа Хвостова, Дмитрія Львовича Нарышкина, кн. Голицына, извѣстнаго актера Дмитріевскаго и нѣсколькихъ другихъ старииковъ, которые до самой смерти носили свои старомодныя наряды. Въ Москвѣ же подобныхъ личностей было несравненно болѣе.) Старухѣ Хлестовой непремѣнно слѣдуетъ быть въ костюмѣ прошлаго вѣка. Эта барыня ни за что бы не надѣла современаго наряда. Что же касается до прочихъ персонажей, то рядить ихъ въ шуты вовсе не слѣдуетъ.

П. А. Карагыгинъ.

Отъ редакціи. Авторъ „Записокъ“, изъ которыхъ мы уже не въ первый разъ приводимъ полные живаго интереса разсказы, род. въ 1805 г. Въ 1815 г. П. А. Карагыгинъ поступилъ въ театральное училище. 1-го марта 1823 г. вступиль онъ на русскую сцену. 1-го марта 1873 г. истекаетъ пятьдесятъ лѣтъ службѣ его искусству.

Петръ Андреевичъ Карагыгинъ, принадлежа къ семье, изъ которой вышло нѣсколько крупныхъ талантовъ, озnamеновалъ свою полуѣковую службу замѣчательною преданностью и любовью къ искусству. Всегда хороший, умный актеръ — онъ былъ и остается чрезвычайно полезнымъ артистомъ; нѣсколько уже поколѣній зрителей встрѣчаютъ его въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ съ полнымъ удовольствиемъ. Отличный знатокъ сцены, опытный наставникъ въ драматическомъ искусстве, Петръ Андреевичъ былъ руководителемъ безчисленнаго множества любителей-актеровъ, устраивая домашніе спектакли въ царскихъ чертогахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семьяхъ всѣхъ сословій петербургскаго населенія.... Въ теченіе 12-ти лѣтъ быть онъ наставникомъ драмат. искусства въ театральномъ училищѣ; его совѣтами и указаніями обязаны своимъ развитіемъ многіе изъ артистовъ русской сцены, въ числѣ которыхъ довольно назвать Максимова и бессмертнаго Мартынова. Независимо отъ сего, Петръ Андреевичъ служение свое театру озnamеновалъ обширною и притомъ вполнѣ безкорыстною дѣятельностью на поприщѣ драматического писателя. Первые

опыты его въ литературѣ относятся къ 1821 г., то были пьески для домашнихъ спектаклей въ театральномъ училищѣ, онѣ вызвали одобрение А. С. Грибоѣдова. Въ 1830 году, Карагыгинъ впервый разъ поставилъ свое произведеніе на сцену общественнаго театра и затѣмъ въ теченіе сорока лѣтъ явилось изъ подъ его пера до ста пьесъ оригинальныхъ, переводныхъ и передѣлокъ иностраннѣй пьесъ; если не всѣ они отличаются литературными достоинствами, то почти всѣ дали превосходныя роли знаменитымъ, первокласснымъ дарованиемъ русской сцены, каковы: Рязанцевъ, Дюръ, Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Асенкова, сестры Самойловы и друг.

Комедіи, водевили, передѣлки и переводы П. А. Карагыгина въ значительной степени оживляли нашу сцену.... ¹⁾.

С.-Петербургскіе Собраніе Художниковъ, какъ известно, предполагаетъ 1 марта 1873 г. отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей П. А. Карагыгина. Мы не сомнѣваемся, что на этотъ праздникъ сойдется много почитателей нынѣ старѣшаго артиста и писателя.

Ред.

---

¹⁾ П. А. Карагыгину принадлежитъ также множество стихотвореній, эпиграммъ и куплетовъ; нѣкоторыя изъ этихъ произведеній извѣстны всей Россіи. Между прочимъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1871 г., т. IV, стр. 304), напечатано замѣчательное посланіе его къ Галламъ, 1852 г.

Ред.